

В. Настич

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БЫВШЕГО МОЛОДОГО УЧЁНОГО

Неисповедимы пути редакторские.

Мне уже не раз приходилось рассказывать, какие бывают опечатки, откуда они берутся и как трудно с ними бороться, даже если это твой Очередной Печатный Труд, вымученный месяцами бессонных ночей, который ты, благодаря Особым Отношениям с Твоим Издательством (о чём тоже стоит поговорить отдельно), можешь отследить буквально от авторского портфеля до печатного станка.

Случай, о котором хочется рассказать сегодня — тема отдельной «истории болезни».

Сегодня речь пойдёт о некоей субстанции, которая в народе обычно называется нуль (или, если хотите, ноль), — в данном случае о **Лишнем Нуле**. То есть не о том нуле, который обозначает отсутствие чего-то или наличие «ничего», а просто о типографском знаке, похожем на букву О.

Выплыл этот Лишний Нуль при наборе моей публикации серебряного клада 13 века из Южного Казахстана¹, из-за чего 30 (тридцать) обломков монет в этом кладе не только превратились в 300 (триста), но так этими тремястами и остались, несмотря на отчаянную борьбу с насмерть заговорённым Лишним Нулём.

К слову сказать, это был славный Год Восьмидесятый — с его очередными Пышными Юбилеями, Московской Олимпиадой, Лучшим в Мире Застоем и проч. А встречал и провожал я его в не менее славном городе Алма-Ате — тогдашней столице солнечного Казахстана, где мне посчастливилось родиться и куда я вернулся после окончания ЛГУ и службы в армии, чтобы положить свои недорастраченные силы и недополученные знания на алтарь исторической науки в широких стенах тамошней Академии Наук.

---

¹ К.М. Байпаков, В.Н. Настич. Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). — Алма-Ата, 1981, с. 20–62, илл.

Но, пожалуй, стоит изложить всё по порядку, иначе многое в моём рассказе будет непонятно.

Сначала я увидел Лишний Ноль в так называемых гранках — длинных листах распечатки ещё не свёрстанного набора будущей публикации, которые мне по моей приватной просьбе любезно предоставили работницы типографии, — кстати, вовсе не обязанные оказывать авторам такую неофициальную и в общем не предусмотренную рабочим процессом услугу. Пометив этот Лишний Ноль вместе с остальными замеченными очепятками специальным знаком выноски, я с чувством честно исполненного долга сдал гранки обратно в типографию.

* * *

Через несколько дней на мой стол легла вёрстка всего сборника, уже прошедшая Профессиональную Редактуру.

Ужаснувшись тому, что оказалось на месте моего авторского текста, я провёл первую вычитку (детали лучше опустить, чтобы через толщущу ушедших лет снова не раздражить уже давно затянувшуюся душевную ссадину), потом спустился на один этаж, вошёл в Кабинет Редактора и, как выяснилось позднее, крайне непредусмотрительно возразил против абсолютно произвольной и в целом пиратской (иначе назвать затрудняюсь) правки, внесённой в мой текст нашей Издательской Редактрисой — незабвенной Нэлли Николаевной Королёвой². Такая опрометчивость

---

² Представьте себе, уж три десятка лет минуло с тех пор, а её Ф.И.О., не знаю зачем, помню до сих пор... Кстати, это та самая Нэлли Николаевна, которая в другой моей статье требовала указать выходные данные в ссылке на текст Корана — полное название (!), место и год издания (!!), ну и, естественно, страницу (!!!). Для тех, кто не понял, о чём речь, поясняю: текст Корана давно канонизирован, число его изданий (и, соответственно, разных выходных данных) по всему миру на сегодняшний день, вероятно, приближается к ста тысячам, поэтому и типографский формат у него может быть самый разный, и официальных титульных названий по крайней мере три — просто **Коран** (араб. *кур'ан*, буквально «чтение»), **Кур'ан карим** «Благородное чтение» и **Калам шариф** «Достоцитимое слово», но в самом тексте различия не допускаются по определению, поэтому ссылки на него, как на Библию, уже давно даются так: **Коран : номер суры , номер аята**. Так вот, чтобы доказать этой Высокопрофессиональной Целительнице наших недостойных трудов, что указывать выходные данные на цитату из Корана, как сейчас говорят, неспортивно, мне пришлось перетаскать ей десятка полтора советских и зарубежных публикаций с подобными ссылками. Жаль, что я не запомнил, на каком именно издании она «сломалась»...

стоила мне как минимум трёх многочасовых, но практически бесплодных сидений за общим столом с выслушиванием Глубокомысленной Лекции о том, как надо писать научные труды о кладах восточных монет.

Наконец я осознал, что тут ловить нечего, и оставил свои попытки убедить Н.Н. в том, что не только Редактор, но и автор тоже худо-бедно разбирается в нумизматических апельсинах и кое-что в них понимает, и дождался второй корректуры, где всю первичную версию текста мне пришлось буквально по кусочкам восстанавливать заново.

Понятное дело, эта вычитка тоже попала к Н.Н., и все до последнего мои исправления были сняты, а её гениальные «корректизмы» втянуты назад в текст.

А в то время, надо вам сказать, вторая авторская вычитка, в общем, не практиковалась, потому что считалось, что работы с первой корректурой для учёного автора вполне достаточно, поскольку дальше действуют не менее опытные, а главное — куда более грамотные бойцы полиграфического фронта. Меня выручало лишь то, что к тому времени я уже был вхож в нашу академическую типографию, где за регулярным отсутствием по болезни старенького татарского наборщика делал арабские вставки для своих статей и работ других грамотеев, и к тому же фактически был научным редактором данного сборника в целом.

Короче, мне снова удалось выбросить всю великоредакторскую ахи-нею и восстановить свою правку — в той самой неофициальной второй корректуре.

* * *

Но не тут-то было.

Н.Н. прознала о моих закулисных телодвижениях и подняла крик, что какой-то сопляк нагло игнорирует Заслуженного Редактора с километровым стажем, чем злонамеренно задерживает выпуск сборника и срывает их кварталный производственный график.

После чего меня, натурально, вызвали на ковёр.

Слава Богу, в тот момент Директор нашего Института, distinguished Акай Нусупбекович по какой-то причине отсутствовал, и моим «ковёрным» оказался не он, а его бессменный и [почти] всеми глубоко уважаемый Заместитель Директора по науке Григорий Фёдорович Дах-

шлейгер — доктор, член-корреспондент и пр.; хотя понятно, что на моей бывшей родине такая фамилия, особенно на фоне «щепы»³ с фамилией Нусупбеков, куда больше, чем любые звания и титулы, может сказать о том, кто реально руководил научной работой Института.

В общем, Г.Ф. моментально понял, какой из меня Дон Кихот, и только благодаря своему гранитному авторитету смог прекратить вивисекцию и над моим текстом, и над его автором, да и над нашим сборником в целом.

* * *

Однако наивно думать, что на этом всё кончилось.

Среди прочих несуразностей, ошибок и опечаток, с которыми я к тому времени боролся уже, помнится, недели три, а то и целый месяц, были те самые 300 (триста) обломков серебряных монет, упоминавшиеся в описании клада, который я публиковал. На самом деле их было всего 30 (тридцать), но даже ежу понятно, что в то время я, как автор публикации Серебряного Клада, принадлежавшего Советскому Государству, хотя и чисто теоретически, но в принципе мог понести серьёзную материальную ответственность за «остальные» 270 (понятно, откуда эта цифра? — ну, 300 «озвученных» по ошибке минус 30 реальных), которые в дальнейшей статистике, естественно, не учитывались, поскольку в природе не существовали.

Только не стоит думать, что это просто моя излишняя мнительность, вызванная затянувшимся стрессом или «глюком» памяти...

Уже какое-то время спустя, когда все беды и мытарства были позади, а несчастный сборник даже среди специалистов начал понемногу забываться, из уст одного моего «коллеги»-аборигена прозвучало не только это предположение, но и гениальная ремарка: а может быть, те 270 «пропавших» обломков, которых читатель недосчитается, были вовсе **не обломки, а целые монеты**? Куда же они делись?

Дальше можно не продолжать: на риторические вопросы альтернативных ответов не бывает. Но ведь заметил же, Бдительный Товарищ, и даже пересчитать не поленился!

---

³ Особенности казахской фонетики: так на местном наречии, ласково и в меру подобострастно, именовался **шеф**.

Видимо, я предчувствовал и такое развитие событий, поскольку продолжал сражаться с мельницами, несмотря на явный перевес сил невежества и профанации, невидимых и поэтому неуловимых. Бог знает откуда взявшийся Лишний Нуль был неистребим. Я вычёркивал его из всех корректур. Я спускался в типографию и стоял за спиной линотипистки, чтобы убедиться, что при очередной переборке она не втащила его назад. Я следил, чтобы он опять не проскочил в злополучную полосу при замене строки. Когда он всё-таки появился снова, я сам встал за реал и **собственноручно** выстругал его из линотипной отливки — уже в последней вёрстке, после чего она должна была идти прямо в раскладку на печатный станок и более никуда. И что бы вы думали?

Правильно.

Когда пришёл сигнальный экземпляр (а это означает, что тираж уже отпечатан), **Он Там Стоял!** Гордо и несокрушимо.

Пару лет спустя я случайно узнал, что последнюю подчитку у них на всех этапах делала молоденькая страшненькая казашка, работавшая в типографии между школой и замужем (причём этот последний всё никак не наступал), и при каждой подчитке она старательно втягивала назад этот долбаный нуль, потому что всё время сверяла его со своим экземпляром **неправленной** распечатки первой корректуры — даже тогда, когда остальную правку уже сверять устала...

Короче, дело кончилось тем, что теперь уже я поднял крик, долетевший до самого вице-президента Академии Казахских наук, и, невзирая на убытки издательства и окончательно порушенный график выпуска, настоял на том, чтобы изготовили «флажок» со списком опечаток, поскольку на выдирку (т.е. механическое изъятие целой страницы с ошибкой — во всём тираже! — и вклейку на её место новой страницы без ошибки) никто уже просто не мог согласиться. То есть **список** опечаток — это не фигурально, а на самом деле: нетрудно догадаться, что при такой организации производства, да ещё и в сборнике, где печатаются несколько разных авторов с разным уровнем аккуратности, да чего скрывать — и элементарной грамотности тоже, в конце концов, оставался да-а-алеко не один только мой Неискоренимый Нуль.

Последний штрих: «флажок» с опечатками я, естественно, набирал сам, печатали его в моём присутствии, а кто делал раскладку в готовый

тираж («всего лишь» 1500 экземпляров, часть из которых уже лежала в продаже) — можно угадать и меньше чем с трёх раз...

* * *

Ну чем не сюжет для Залмана Кинга?

P.S. Все имена, упомянутые мною, абсолютно подлинные и принадлежат реальным историческим лицам. Беру на себя смелость полагать, что по прошествии стольких лет они того заслуживают. Не запомнил только имя той молоденькой казашки-подчитчицы, чья беспримерная старательность почему-то вселяет надежду на великое и достойное будущее моих бывших земляков. Впрочем, кажется, её звали Карлыгаш, что по-русски значит «Ласточка»...